

Сегодня у реки было на удивление безлюдно. Братья о чём-то беседовали, как вдруг со стороны деревенской дороги донёлся треск хлопущек, раскатившийся весёлым эхом. Только тогда Цзян Сяои вспомнил, что сегодня Сунь Цзюаньцзы выходит замуж.

Великая Чжоу сильно отличалась от современного мира. В наше время свадьба — это не только способ вернуть потраченные деньги, но и возможность неплохо заработать. Поэтому приглашают всех подряд: седьмую воду на киселе, одноклассников, с которыми не виделись восемьсот лет после выпуска, и даже новых коллег, знакомых всего неделю.

Кажется, будто любое событие — повод для праздника: переезд в новый дом, рождение ребёнка, даже если у старой свиньи в деревне опорос случился — всё хочется отметить с размахом. Весь посёлок сбегается на помощь, неважно, родственники они или нет: кто-то кур-уток режет, кто-то посуду моет.

Здесь же, в деревне, все были бедны. Свадьба иногда оборачивалась убытками. Близкие родственники дарили отрез ткани, несколько яиц да двадцать вэней медью — и это считалось щедрым подарком. Но были и те, кто приносил пучок сушёных овощей или пару яиц, а за стол садился всей большой семьёй. Поэтому на свадьбы и похороны звали только настоящих родственников и самых близких соседей. Лишь те, у кого совсем не было родни, созывали на праздник всю деревню.

У семьи Сунь в деревне почти не было родственников, но в этот раз они пригласили больше половины жителей. Правда, после недавней ссоры с семьёй Цзян, Цзян Сяои, разумеется, на помощь не позвали.

Все последние дни мысли Цзян Сяои были заняты только Бай Цзыму, и он совершенно забыл об этом событии. Сейчас же он увидел, как Лю Хуцзы, одетый во всё красное, гордо и уверенно едет на лошади. За ним следовала шумная процессия с музыкой и песнями.

Быки в деревне были редкостью. Один крепкий бык стоил одиннадцать-двенадцать лянов, и в Сяошане такой был только у старосты. Что уж говорить о лошадях — они ценились ещё дороже, больше двадцати лянов за одну. А за хорошую масть и крепкие ноги цена могла доходить и до тридцати. Такую роскошь могли себе позволить лишь богачи из города. Деревенские жители, видя лошадь на ярмарке, даже прикоснуться к ней боялись.

Семья Лю Хуцзы была состоятельной. Если бы он приехал на свадьбу на воловьей повозке, это уже считалось бы верхом роскоши. Обычно, если жених мог позволить себе встретить невесту на повозке, запряжённой волами, об этом говорили с восхищением, и он мог хвастаться этим полжизни.

А Лю Хуцзы сегодня арендовал лошадь, и это было нечто невероятное. По обеим сторонам дороги собралась толпа зевак. Мужчины смотрели с завистью, а девушки и гэ'эры — с мечтательной тоской. Кто не хотел, чтобы в день свадьбы за ним приехал жених на высоком

коне?

— Так это и есть тот самый Лю Хуцзы из деревни Люцзян?

— Да, а ты думала кто? Во всей округе только семья Лю может себе такое позволить.

Даже у семьи Ли, у которых было больше всех земли, старший сын женился, приехав на быке.

— Ого, на лошади приехал! Наверное, кучу денег потратил.

— Эта животина — дорогая штука, меньше чем за несколько сотен вэней и не арендуешь. Но Лю Хуцзы — парень видный, ему такие деньги, наверное, и не в счёт. Раньше только городские на свадьбу на лошадях приезжали, а теперь и мы своими глазами поглядим.

— Я о нём только слышала, а вживую никогда не видела. А он и вправду хорош собой. Сидя на коне, прямо как молодой господин из города.

— Да, красив. Но и Сунь Цзюаньцзы — девушка видная, беленькая, чистенькая, и семья у неё неплохая. Они подходят друг другу. Всё-таки мужчины любят красивых. Не зря же он, перебирая невест, в итоге выбрал именно Цзюаньцзы! В городе ведь говорят... как это... когда и таланты, и внешность, и семьи ровня...

— «Достойная пара по талантам и красоте» и «равный брак по статусу».

— О, да-да, точно! Вот оно что. Совсем память отшибло.

Несколько тётушек продолжали весело болтать и смеяться.

«Достойная пара по талантам и красоте», «равный брак по статусу», «люди и демоны не могут быть вместе»...

Эти слова, словно тяжёлый удар, обрушились на Цзян Сяои, мгновенно вернув его к суровой реальности.

Он безмолвно опустил голову и долго стоял в оцепенении, чувствуя, как сердце сжимается от невыносимой тоски.

Да, это так.

Когда-то из-за одного лишь Лю Хуцзы все говорили, что он неблагодарный и слишком высокого о себе мнения.

А Бай Цзыму... он был молод, красив, с утончёнными манерами. Каждое его движение дышало благородством, выдавая хорошее воспитание. Он был во много раз лучше Лю Хуцзы.

Лю Хуцзы смотрел на него свысока, а Бай Цзыму, который был настолько лучше, никогда не выказывал пренебрежения, оставаясь нежным, как вечерний ветерок.

Наверное, именно поэтому он и потерял голову. Поэтому и поверил, что если постарается, то может быть, тоже понравится Бай Цзыму.

Но если он не пара даже Лю Хуцзы, на каком основании он смеет мечтать о Бай Цзыму?

И с какой стати Бай Цзыму обратит на него внимание?

За то, что он красиво мечтает?

У него ничего нет, семья его бедна, на руках двое младших братьев. Он слишком хорошо знал, каково это — жить в нужде, и как мучителен голод. Такой замечательный, выдающийся человек, как Бай Цзыму, не должен быть низвергнут с небес, чтобы влачить с ним жалкое существование.

Девушки и гэ'эры любят красивых мужчин, но и мужчины, конечно же, тоже любят прелестных и миловидных.

Он ничем не соответствовал Бай Цзыму. Ни красотой, ни происхождением... Поэтому, даже если бы он изо всех сил старался быть к нему добрым, бесстыдно навязывался, отдавал ему всё, что у него было, включая собственное сердце, — Бай Цзыму всё равно избегал бы его, всё равно хотел бы уйти.

Не стоило ему предаваться пустым мечтам и пытаться дотянуться до Бай Цзыму.

Говорят, за всё хорошее нужно бороться, но... у него, кажется, не было даже права на эту борьбу.

Цзян Сяои задрожал всем телом, лицо его стало бескровным. Все его внутренности, казалось, кричали от боли, и эта мысль разрывала сердце на части.

Впереди царило оживление. Кто-то, более осведомлённый, сообщил, что семья Лю дала за Сунь Цюаньцзы выкуп в целых пять лянов. Толпа снова зашумела, восхваляя красоту невесты, благодаря которой она так удачно выходит замуж, и радуясь за старуху Сунь. Но Цзян Сяои уже ничего не слышал. Он, как в тумане, пошёл с Цзян Сяосанем домой.

Бай Цзыму всё ещё сидел в медитации, но, услышав шаги во дворе, понял, что они вернулись. Он почувствовал некоторое замешательство, опасаясь, что Цзян Сяои снова придумает что-нибудь эдакое. Но, к его удивлению, до самого вечера Цзян Сяои так и не вошёл в комнату, а ушёл спать к двум младшим братьям.

Бай Цзыму должен был бы радоваться, что ему больше не нужно быть начеку, но, вздохнув с облегчением, он почему-то почувствовал необъяснимое беспокойство.

«Что сегодня случилось с Цзян Сяои?»

Он открыл дверь во двор и подошёл к соседней комнате. Заглянув в щель, он увидел, что Цзян Сяозэр и Цзян Сяосань уже спят, громко посапывая. А Цзян Сяои сидел, прислонившись к стене, и, казалось, о чём-то думал. Он выглядел потерянным и отрешённо смотрел в пустоту.

На следующий день, ещё до рассвета, Цзян Сяои вернулся в свою комнату. Он, видимо, плохо спал, потому что его глаза были налиты кровью. Он легонько ткнул Бай Цзыму и спросил, зажили ли его раны.

На самом деле, они ещё не зажили полностью, но Бай Цзыму кивнул.

Цзян Сяои больше ничего не сказал. Он встал и достал из сундука комплект одежды.

— Когда уйдёшь, не надевай больше свою прежнюю одежду.

Те наряды, что носил Бай Цзыму, совершенно не вписывались в здешнюю обстановку.

— Это я попросил Сяозэра сшить для тебя, — сказал Цзян Сяои. — Из старой одежды моего отца. Сяозэр шьёт не очень хорошо. Я думал, через несколько дней, когда закончу с делами, съездить в город, купить ткани и отнести двоюродной бабушке, чтобы она сшила тебе что-то приличное. Но теперь уже поздно. Ты... не брезгуй.

Бай Цзыму молчал мгновение, спокойно глядя на него.

— Что это значит?

— Ты хочешь уйти, — Цзян Сяои опустил глаза, с трудом выдавив из себя улыбку, которая была хуже плача. Его голос дрожал от сдерживаемых рыданий. — Я больше не буду тебя удерживать. Сяозэр и Сяосань ещё не проснулись. Я провожу тебя. Если они проснутся и увидят, что ты уходишь, то, боюсь, поднимут шум.

Бай Цзыму не понимал, как он пришёл к такому решению. Но в тот миг, когда Цзян Сяои сказал, что отпускает его, он не почувствовал ожидаемой радости. Наоборот, на душе стало

как-то смутно и тоскливо.

Уже наступила глубокая осень, и дни становились короче. Утром стоял густой туман, и было немного прохладно. На улице всё ещё было темно, на небе висела луна. В деревне царила тишина, не было слышно даже лая собак.

Бай Цзыму и Цзян Сяои шли друг за другом.

Никто не произносил ни слова. У самого выезда из деревни Бай Цзыму остановился.

— Проводил и хватит. Возвращайся.

Цзян Сяои кивнул, но не сдвинулся с места. Он стоял, опустив голову, и сказал, что подождёт, пока тот уйдёт, и только потом вернётся.

Бай Цзыму не мог разглядеть выражения его лица. Он развернулся, чтобы уйти, но услышал, как Цзян Сяои сделал глубокий вдох и тихо спросил, куда он собирается пойти после того, как покинет Сяошань. Если он будет жить в городе или вернётся на гору Хуцю, сможет ли он, Цзян Сяои, когда-нибудь навестить его, если найдёт время.

— Я и сам не знаю, — с досадой ответил Бай Цзыму. Он об этом совсем не думал. Сейчас его единственной мыслью было добраться до города и обменять что-нибудь на деньги.

Цзян Сяои больше ничего не сказал. Он лишь смотрел, как Бай Цзыму шаг за шагом удаляется. Когда его фигура скрылась за поворотом, Цзян Сяои, казалось, больше не мог сдерживаться. Он сделал несколько шагов вдогонку, а затем, закрыв лицо руками, разрыдался.

Сдавленные, подавленные рыдания разносились далеко в предрассветной тишине. Бай Цзыму остановился, и его сердце охватило ещё большее раздражение.

Государство Великая Чжоу во многом походило на древние династии Китая, за исключением существования гэ'эров.

Обычно для въезда в город проверка не требовалась, но чтобы попасть в город-префектуру, центр провинции, необходимо было предъявить хуцзи и другие документы.

Хуцзи было аналогом современного паспорта. Без него человека считали бродягой или

разбойником. Таким людям было запрещено покупать и продавать землю и дома, у них не было крыши над головой, а в старости — никакой опоры. Им оставалось лишь скитаться по свету.

Бай Цзыму продал два цзиня сахара и поспешил в ямынь.

Главный писарь оказался невысоким стариком с добрым лицом и маленькой бородкой. Он спросил, что ему нужно. Бай Цзыму ответил, что хочет получить хуцзи.

— Потерял прежнее? — спросил писарь.

— Нет, — честно ответил Бай Цзыму.

Писарь слегка удивился.

— Тогда в чём дело?

— У меня нет хуцзи, — сказал Бай Цзыму, и писарь изумился ещё больше.

Те, у кого не было хуцзи, были либо бродягами, либо горцами. Ещё бывали случаи, когда в бедных деревнях родители не хотели тратить деньги на регистрацию детей. Но такое случалось всё реже. Набор в армию производился по числу мужчин в семье: обычно брали одного из троих, а в случае ожесточённых боёв на границе, когда не хватало людей, — одного из двоих. Но, как говорится, на всякую политику найдётся своя уловка. Некоторые хитрили: если рождался мальчик, его не регистрировали. Однако позже власти стали строго за этим следить, и такие случаи прекратились.

Бай Цзыму, хоть и был одет в лохмотья, но его лицо было белым и нежным, явно не знавшим лишения. Да и вся его стать выдавала в нём скорее молодого господина, чем представителя этих двух категорий.

«А вдруг он потомок какого-нибудь опального чиновника?»

Писарь задумался на мгновение.

— Как тебя зовут?

— Бай Цзыму.

«Фамилия Бай! В Великой Чжоу эта фамилия довольно редкая».

Писарь снова погрузился в размышления. Он не припоминал, чтобы среди опальных

чиновников были люди с такой фамилией.

Бай Цзыму понял, о чём он думает, и тут же сказал:

— Господин, я знаю, о чём вы беспокоитесь, но будьте спокойны, у меня красные корни и прямой росток, я честный и порядочный человек! Просто мой отец, женившись на матери, уехал торговать и так и не вернулся. А мать, не прошло и полдня после моего рождения, как её забрали мои бабушка с дедушкой и снова выдали замуж...

Он был как маленькая капуста в поле. Его родственники со стороны матери, проявив толику совести, наняли ему няню. Но эта няня брала деньги, а дела не делала. Все эти годы она не только запирала его в тёмной комнате, но и морила голодом, а то и вовсе подвешивала и избивала. Когда ей было не по себе, она срывала злость на нём.

Он был худ, как щепка. Когда ему удалось сбежать из этого ада, он был похож на призрака. Потом, по своей наивности, его обманули, и он три года вкалывал, как вол, на чужом поле. Вставал до рассвета, а ложился спать, когда уже луна светила. В полдень, когда жара была невыносимой, он хотел отдохнуть, но хозяин бил его кнутом толщиной с бедро. Он больше не мог терпеть и с трудом сбежал...

Из огня да в полымя — его снова поймали и заставили год таскать навоз. В общем, одно слово — несчастье.

Под конец рассказа Бай Цзыму вытер слёзы.

— Когда я сбежал, все говорили, что я похож на обезьяну. Потом два года побирался, и вот только сейчас стал немного походить на человека.

История звучала так правдоподобно.

«Какой несчастный, какая ужасная судьба».

Видя, что у писаря на глазах навернулись слёзы, а лицо его исказилось от сочувствия, Бай Цзыму не решился продолжать свои выдумки.

Писарь не ожидал, что у этого молодого человека такая тяжёлая судьба, и слёзы сами собой полились из его глаз. Он так и сказал, что этот парень выглядит белым и нежным. Хоть одежда на нём и не очень, видно, что ткань дешёвая, да ещё и вся в заплатках, но зато чистая. Но почему же он обмотан каким-то мешком? Он подумал, что у парня не всё в порядке с головой или какая-то странная причуда. Но когда тот вытирал слёзы и случайно уронил мешок, он увидел, что штаны у него разорваны от переда до зада, как ползунки. И вся одежда... жалкое зрелище, просто жалкое.

«Но этот парень...»

Писарь поднял голову. Ого, этот парень такой высокий, что если пукнет, то ему прямо в бороду попадёт.

Бай Цзыму, заметив, что тот смотрит на его нижнюю часть тела, покраснел до ушей.

«Этот паршивец Цзян Сяоэр, целыми днями бегал в дом к старшей ветви семьи учиться шить, и вот чему научился! Сшил штаны, как будто для смеха».

Сегодня на дороге он хотел присесть отдохнуть, но не успел даже присесть, как услышал треск. Штаны лопнули. Хорошо, что встретился добрый старик, который дал ему мешок, иначе пришлось бы светить голым задом.

Писарь был в преклонном возрасте, и сейчас, глядя на Бай Цзыму, его сердце сжималось от жалости. Этот парень был очень красив. С первого взгляда он ему понравился. А теперь, узнав о его тяжёлой судьбе, о том, сколько страданий он перенёс в столь юном возрасте, ему стало невыносимо грустно. Он поспешно усадил его и велел стражнику снаружи купить ему паровых булочек.

— Голоден? Давай, перекуси.

Когда Бай Цзыму съел две булочки, писарь ласково спросил:

— Если хочешь получить хуцзи, то нужно будет приписаться к какой-нибудь деревне. Куда ты хочешь?

— В деревню Сяошань, — ответил Бай Цзыму. Заметив удивление писаря, он добавил: — Когда я побирался на улице, я познакомился с одним младшим братом, он там живёт.

Обычно в таких случаях требовался поручитель от старосты деревни, чтобы подтвердить, что человек «добропорядочный», а не беглый преступник или разбойник. Писарь спросил, почему староста не пришёл.

Бай Цзыму снова соврал:

— Он недавно упал в навозную яму и подвернул ногу. Мне было неудобно просить его идти. Но он сказал, что без него никак, писарь мне не оформит. А я говорю, что это невозможно. Когда я побирался, то слышал, что писарь в ямыне — самый добрый и милосердный, приветливый и с пронизательным взглядом. Он сразу видит, кто есть кто. Если он меня увидит, то сразу поймёт, что я хороший человек, и не станет меня мучить. Поэтому я пришёл один.

— Ах ты, малый!

Писарь указал на него пальцем и рассмеялся ещё веселее.

— Старик прожил несколько десятков лет, повидал много людей, и глаз у меня намётан. Кто хороший, кто плохой — я сразу вижу. Эту свою способность я все эти годы тщательно скрывал, а ты вот взял и раскрыл. Но в следующий раз так не говори. От такой правды мне даже как-то неловко.

Бай Цзыму молчал. «...Этот старик врёт ещё хлеще, чем северо-западный ветер».

Писарь погладил бороду и улыбнулся.

— Я проверю свитки. Если с тобой и вправду всё в порядке, то я лично тебе всё оформлю.

В свитках были записаны имена беглых преступников. Если Бай Цзыму там не значился, значит, всё в порядке. Обычно требовался поручитель, но это было скорее для того, чтобы избежать лишних хлопот. Но сегодня этот парень был таким несчастным, что писарь решил лично всё проверить. Он оказался очень добросовестным и, не жалея времени, провёл за проверкой весь день. В итоге, конечно, ничего не нашлось.

— Хорошо, что ты сегодня пришёл, — сказал писарь, оформляя ему хуцзи. — Пару дней назад у меня бы времени не было.

Бай Цзыму, облокотившись на стол, смотрел, как тот пишет.

— Так заняты были? — он не заметил. Когда он пришёл, стражники у ворот как раз выметали целую корзину шелухи от семечек.

— Да! — кивнул писарь. — Эти дни мы были заняты подготовкой экзаменационных залов, всё устраивали. Три дня суетились, только вчера закончили.

Бай Цзыму слегка приподнял бровь.

— Уездные экзамены ведь уже давно прошли?

Уездные экзамены обычно проводились в феврале, так было во всех династиях. А сейчас был уже сентябрь.

— Прошли, — сказал писарь. — Но в уездах Линьянь и Бэйпин были случаи мошенничества.

При этих словах он оглянулся, пододвинулся к Бай Цзыму и понизил голос:

— В этих двух уездах с экзаменами возникли проблемы. В Линьане первое место занял племянник уездного судьи, а в Бэйпине — его сын...

Уездный экзамен был низшей ступенью в системе государственных экзаменов. Вопросы составлял не Ханьлинъ и не император, а лично уездный судья.

Если первое место занимали родственники судьи, это, естественно, вызывало подозрения: а не подсказал ли судья им темы? Вопросы составлял судья, и проверял он же. Кого назначить первым, решал тоже он.

Раньше такое случалось. Сын судьи вполне мог занять первое место. Если у тебя отец — чиновник, ты уже на старте впереди всех. Уездный судья, хоть и был всего лишь седьмого ранга, мелкой сошкой, но он был цзиньши. Его литературные познания, несомненно, были на высоте. Пара советов от него — и ты уже многому научился. Хорошее воспитание, хорошее происхождение, нанятые учителя или академия, в которой он учился, — всё это было на высшем уровне. Если он не был полным бездельником и не страдал слабоумием, то занять первое место было вполне нормально.

Но в этом году первые места в этих двух уездах заняли настоящие повесы, известные своим невежеством. Если бы экзамен был по выгулу собак и кошек, они бы точно заняли первые места.

У этих двоих в головах не было и капли знаний, они и двух страниц в книгах не прочли, а стали первыми. Даже ежу было понятно, что здесь что-то нечисто.

Учёные из этих двух уездов были возмущены. Собрав доказательства, они хотели подать жалобу. Раньше судья мог бы это дело замять, но в этом году император отправил по всей стране отряды императорской гвардии для поимки богача Хао. Гвардейцы только прибыли в Бэйпин, как к ним бросился весь в крови один из учёных, громко крича и моля императора о справедливости.

Гвардейцы провели расследование и выяснили, что этот учёный только что сбежал из тюрьмы. Он хотел отправиться в город-префектуру, чтобы подать жалобу на судью за кумовство, но был схвачен...

Императорская гвардия быстро доложила об этом наверх. В ходе дальнейшего расследования выяснилось, что проблемы были не только в уездах Бэйпин и Линьань. В нескольких других областях дела обстояли ещё хуже: там не только сливали темы, но и, пользуясь удалённостью от столицы, открыто продавали места.

Император был в ярости. Нескольких судей не только арестовали и отправили в столицу в тюрьму, но и был отдан приказ аннулировать все результаты уездных экзаменов и провести их

заново в сентябре.

Бай Цзыму почесал голову.

— Проблемы были только в этих нескольких уездах, почему же пересдавать должны все?

Новый император был молод и горяч, не терпящий ни малейшей несправедливости. За несколько лет своего правления он сменил многих старых чиновников при дворе. Слив тем — это преступление, которое можно было трактовать по-разному. Можно было поручить расследование местному губернатору. Обычно за такое снимали с должности, в худшем случае — ссылали. Но раз император приказал доставить их в столицу, то, скорее всего, живыми они оттуда не вернутся. Но об этом нельзя было говорить посторонним.

Писарь покачал головой.

— Не знаю. Раз император приказал, мы просто выполняем.

Бай Цзыму кивнул и, немного подумав, спросил писаря:

— Господин, а я могу пойти сдавать?

Писарь удивлённо посмотрел на него.

— А?

— Я тоже хочу попробовать, — сказал Бай Цзыму.

— Ты грамоте обучен? — писарь был очень удивлён.

Бай Цзыму, не моргнув глазом, ответил:

— Немного. Я раньше год побирался у дома одного учителя. Он меня пожалел и научил кое-чему.

Писарь молчал. «...Научился кое-чему и уже собрался сдавать экзамены? Надо сказать, у парня смелости хоть отбавляй. Но молодые и должны быть такими — смелыми и решительными. Если всё время робеть, то что из этого выйдет? К тому же, за попытку денег не берут».

В Великой Чжоу для сдачи уездного экзамена не требовалось поручительства. Раньше нужно было, чтобы тебя порекомендовал один сюцай и ещё трое соискателей выступили гарантами.

Но позже эту систему отменили. Теперь любой, кто хотел, мог записаться и сдавать. Если бы требовалось поручительство сюцая, то как быть тем, кто учился дома, в деревне, и не посещал школу? Где им искать поручителя?

Например, в деревне Сяошань у старосты было много земли, и семья его считалась зажиточной. Его прадед даже два года ходил в школу, но ничего путного из этого не вышло, и он вернулся к земледелию. Когда родился староста, прадед научил его нескольким иероглифам. А если бы староста оказался умным, способным к учёбе и захотел бы сдавать экзамены, где бы он нашёл сюцая? В городе их было несколько, но с какой стати они стали бы ему помогать?

Каждый год множество учеников не могли сдать экзамен из-за этого правила. После восшествия на престол нового императора этот закон был отменён.

— Вот и отлично, — сказал писарь. — Можешь сразу после получения хуцзи пойти и записаться.

— А когда экзамен? — спросил Бай Цзыму, думая, что, может быть, успеет хоть немного подготовиться.

<http://bllate.org/book/13701/1589201>